

84(2=411.2)62P

849

Галина Якунина
ДЕРЖАВА

~~29.12.413~~

~~30.04.104~~

~~4.01.152~~

14.02-150 δαδν

μετζαι

*Марии Филипповне Косяк,
моей первой учительнице посвящаю*

УДК 82-1
ББК 84 Р
Я49

Галина Якунина

Я49 Держава : стихи, эссе, статьи / Г. Якунина. –
Владивосток : издатель СВЕТЛАНА Кунгурова, 2012.
– 288 с., 3 ил.

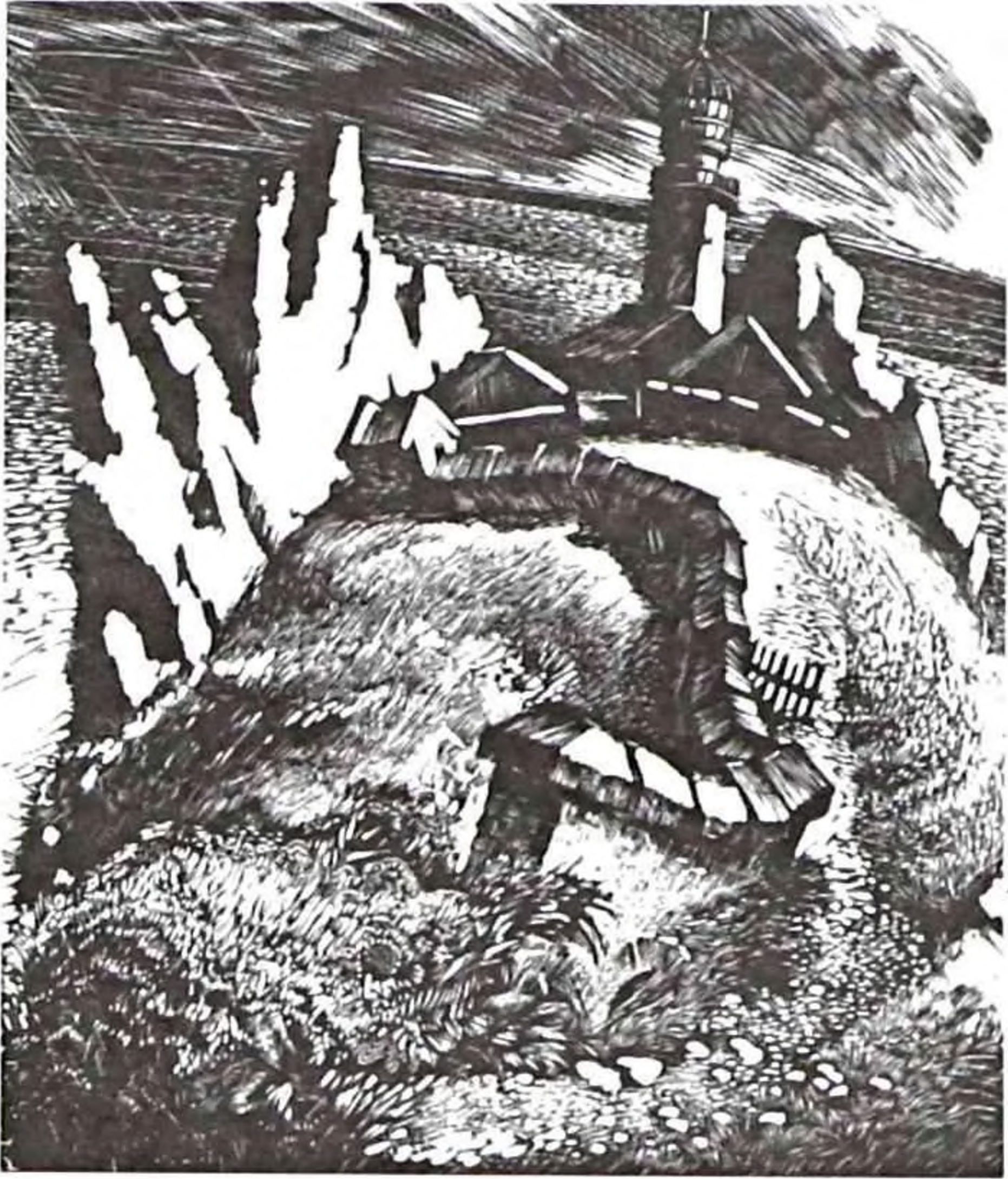
ISBN 978-5-901403-38-9

УДК 82-1
ББК 84 Р

В оформлении книги
использованы гравюры
художника Геннадия Кунгурова

ISBN 978-5-901403-38-9

© Галина Якунина, 2012
© Кунгуров Г.Л., иллюстрации, 2012

*«На краю не до драки:
от бездны бы отступить»*

Галина Якунина

КРАЯ И ВЕРШИНЫ

Край нащупывают осторожные ноги, от ощущения вершины взмывает бесстрашное сердце. Стоя на Крестовой сопке, измеряя взглядом бухту Золотой Рог и пролив Босфор Восточный, самое время сложить гимн городу, имя которого уже звучит как гимн крепости души в ожидании восхода: Владивосток.

Это город особого знания и зренья,
Обострённого чувства вершины и края.
Он на стыке стихий, словно стихотворенье,
Всякий раз по-иному в душе прорастает.

Стихии прорастают одна сквозь другую, кровавясь краями. А он стоит:

Здесь, на расстани ярких, свирепых столетий,
В эхе битвы и бунта, и стонов «доколе?!»,
Он стоит, замерев перед ласковой этой,
Невозможной близостью счастья и воли.

Невозможная близость? И всё-таки ласковая мечта кажется почти осуществившейся. И смотрит тебе в душу край вселенной, вершинами в бездну:

Окна в космос открыв, как кингстоны Варяга,
Неподвластен своим и чужим самураям
Он, наследник твердынь, крестник флотского стяга,
Знаменосец России, дошедшей до края.

...Родившись на краю Державы, она держит в сознании прячущееся и качающееся Целое, из которого бросила её судьба на этот конец Бытия.

А может, потому и бросила, что край брезжил, бунтовал и дразнил в глубине духа пращуров, чья жизнь была укутана вековыми пеленами Центра, и бросить вызов было легче, нежели удержаться?

Зачем было юной панночке польской, единственной богатой наследнице, полюбить нищего скрипача-украинца, вдвое её старше? И сбежать к нему, не убоявшись отцовского проклятья... Год спустя с первенцем на руках она вернётся к родному порогу, но гордый пан не захочет принять дочь и внука.

Внук, едва оперившись, повторяет бросок матери «за край» привычной реальности: уводит из табора цыганку, женится на ней и в 1905 году с женой, годовалой дочерью и шестью маленькими братьями-сёстрами из-под Белой Церкви устремляется к Океану...

Путь на край России: до Москвы – на телегах, далее в «стольпинских» вагонах до Владивостока, а там – на плотках по Уссурри. С собой помимо необходимого скарба (включая бочки для засола капусты и гнёт – вдруг в Приморье булыжников нужного размера не окажется?) – везут скрипку умершего отца (а может, это скрипка деда?) и тетради со стихами бывшей панночки.

Гражданская война калечит взрослых мужиков и делает главой семьи тринадцатилетнего внука незабвенной бабки. Достигнув ответственного возраста, внук влюбляется в казачку из зажиточной семьи, прибывшей на Дальний Восток из юго-западной России. Опять край на край, коса на камень: родители невесты не хотят отдавать дочь за «голодранца». Дочь бросается в омут.

Вытащили. Откачали. Согласились отдать.

Так и идёт эта жизнь – из омута в омут. Мужья пропадают то на войне, то на заработках, а жёны тянут лямку.

«Панночка, цыганка да казачка вместе пережили первую мировую войну, революцию, лихолетье войны гражданской – и подняли-таки несколько поколений нашего рода – почти сотню человек...»

Вы догадались, кого я цитирую? Праправнучку той непокорной панночки и внучку непокорной казачки, что бросилась в омут.

Родилась внучка уже в мирное послевоенное время – в советской семье моряка и учительницы.

Галина Якунина – её имя хорошо известно читателям.

Её письмо ко мне я пересказываю с тем большей охотой, что чувствуется в этом письме, помимо характера, закалённого на ветровых краях земли, ещё и литературная одарённость, отшлифованная не только полновесной десятилеткой мирного времени, но и филологическим факультетом Дальневосточного университета, который закончила выпускница как раз тогда, когда загадочная эпоха Застоя развернулась к разгадочным 1980-м годам, и счастливое советское детство, шагнувшее к беспокойной комсомольской юности, оказалось на краю беды – общей беды, оборвавшей привычное благоденствие.

«Наш десятиэтажный дом стоял прямо над океаном, и во время штормов его ощутимо «качало», а оконные стёкла дребезжали, перекликаясь со стареньким пианино. Школа, в которой я проучилась десять лет, была в десяти минутах ходьбы от дома. Но это в «бархатном» сентябре. А с ноября по апрель бывали дни, когда каждый шаг против тайфуна или вьюги заставлял сцеплять зубы: школа-то стояла на вершине сопки, открытая всем ветрам. Так сложилось, что все дома, в которых жила и живу, расположены на вершинах. Других уже и не представляю...»

Края. Вершины... Старенькое пианино подхватывает мелодию украинца-скрипача, детские уроки музыки перемежаются со свистом бури, стихи – с бедами наступившего очередного лихолетья – «перестроечного». Судьба не позволила ей задержаться в библиотеках – метнула в службу собеса, а там – «девятый вал людского гнева, обиды, отчаяния: годы дефолта, отключения света, тепла, воды, постоянной задержки зарплаты...»

Как связать воедино это оборачиванье светлых грёз о вершинах – в беспросвет крайней нужды? Как принять безумье сменяющихся эпох? И отчаяние победившего в войне народа?

Умом не понять. Аршином не измерить...

А – стихом?

«От рая до ада – полслова, полшага...»

Прежде чем у Галины Якуниной стали выходить поэтические сборники под солидными названиями («Космический возраст»), в названиях первых сборников успело отразиться сопротивление безумию жизни и готовность к счастью за полслова от греха: «Городская сумасшедшая», «Грешна и счастлива»...

Стихи и теперь работают: скрепляют итоговую книжку Якуниной, куда кроме них входят эссе и статьи – привычные жанры публицистики и критики.

Статьи – о текущей литературной (и театральной, и вообще культурной) жизни страны, с упором, естественно, на Дальний Восток.

Эссе – о значении и смысле общепризнанных текстов. Вершин нашей культуры. Чехов, Шолохов, Шукшин...

Кроме профессиональной литературоведческой оснащённости тут нужны ещё и качества острого публициста, и ещё – не побоюсь этого слова – хватка литературного критика.

Последнее качество хотя и чувствуется, но не демонстрируется. По трём строчкам я могу уловить (и продемонстрировать читателю) литературно-критическую зоркость Якуниной:

«...Прощаешь автору и стилистический разнобой – от архаичного пышнословия до газетной скороговорки, и пёстрый – до ряби в мозгах – калейдоскоп аббревиатур, и утомительные подробности процесса нефтедобычи»¹.

Читатель, получивший такой перечень, может сам, читая роман Геннадия Старостенко, разобраться в том, что там хорошо написано, а что плохо. Обычно присяжные литературные критики, преследующие писателей (и читателей) своими оценками, только тем и занимаются. Якунина, мимоходом оставив читателю пункты для суда-разбора, концентрируется на проблеме куда более важной: на том, какой опыт предъявлен в книге и что её автор думает о нашей жизни:

«В советском нашем детстве... инженеры, писатели, учёные, рабочие высшей квалификации, офицеры и учителя, представляя тридцать процентов занятого населения, были не только интеллектуальным капиталом России, но её движущей духовной силой, «солью земли»... Вроде и «перезагрузка» общественного сознания давно завершена «прорабами перестройки», и страна «разинтеллигентилась», по свидетельству социологов, сведя понятие внутренней самодостаточности к внешнему достатку. Об-

¹ Роман называется «На Чёрной реке» – нефтяная чернота вод заставляет вспомнить кровавые пятна на снегу в месте Пушкинской дуэли – Якунина начинает именно с этой аналогии.

винённые во всех грехах, объявленные главными виновниками всех неудачных реформ и революций интеллигенты ушли в глухую внутреннюю эмиграцию».

Этих характеристик достаточно, чтобы понять их полемический смысл. А мы-то, интеллигенты, думали, что в советские годы не было ничего, кроме идейной демагогии и гулаговской зоны... и что «внешний достаток» обеспечит «внутреннюю самодостаточность»... Теперь опомнились?

«Неужто возвращается интеллигент на пространство постсоветской литературы?»

Перечитывая Валентина Распутина и Светлану Сырневу, Михаила Гутмана и Вячеслава Протасова, Николая Калягина и того же Старостенко, Галина Якунина всё время держит в сознании этот вопрос и... «удивлённо улыбается».

Чему улыбается?

Тому, что можно разглядеть среди далей и высей...

Среди упоительных далей и высей

В неволе незримо и зримо нас держат.

И страшен наш бунт – оттого, что бессмыслен:

Мы вновь возвратимся на круги на те же.

Измерить эти круги, эти извечные русские края души, и извечное же русское долготерпение в попытках всё сопрячь – помогает опыт наших великих предтеч.

У Чехова это «особое, дорогой ценой оплаченное искусство – держать равновесие на краю бездны. И ещё улыбаться при этом».

Есть у кого научиться улыбке...

Шолохов «в отличие от большинства современных ему писателей с первых шагов в литературе развеивает романтический революционный флёр и замирает над разверзшейся пропастью... Как выдержать человеку нечеловеческие испытания и остаться человеком? Чем ему жить, если он потерял всех, кого любил? Как жить на этой выжженной дотла земле с душой, обращённой в пепел?».

Пепел стучит в сердце...

А Шукшин?

«Сколько людей изобретало сверкающие «города солнца», верило в мировую революцию, ценой немыслимых жертв строило светлое будущее... Увы, никакая революция не изменит человечество и не приведет его строем к счастью. Не потому ли, что сообща борются — за внешнее? А изменить себя в незримой изнурительной битве с самим собой никто не поможет...»

Подробнее работу Галины Якуниной «Василий Бесконвойный» я комментирую в рубрике «Эхо» журнала «Дружба народов» № 4 за 2012 год. Но не удержусь и напомним одну шукшинскую мысль, поразившую Якунину (и меня тоже):

«Отчего народ поднимается весь в гневе, когда на пороге враг? Оттого, что жаль родных матерей, детей, землю жалко»... Но ведь бросили ее, Мать-Землю, на произвол судьбы сыновья и дочери, дружно подавшись в город за лучшей долей. Понятно, что многие не по своей воле уехали, понятно, что время такое, и всё же... Что получается: врага победили, родную землю отстояли, да сами её дружно и предали?»

Одни и те же люди и то сделали, и это...

Мотивы сливаются в одну сквозную мелодию, которой пронизана вся книга Галины Якуниной. Общая тема — сопротивление беде. Как вынести тяжесть человеческого жребия и несправимость человеческой природы? Как устоять в бесконечном оборачивании ада и рая, истины и лжи, верности и измены?

Последняя дилемма вроде бы напрямую навеяна Шукшиным, но повёрнута у Якуниной в традиционное соотношение мужского и женского начал, — при том существенном уточнении, что никакой «женской литературы» ни следа нет в её текстах. А есть — философема, погружённая в неразрешимость.

«Дочь, жена, мать, бабушка — она везде одна. Не советская, не перестроечная — русская. Русская жена всех времён».

«Когда всё кругом горит и рушится, когда одни гибнут, а другие предают — попробуй выстоять!..»

«Сегодня женщины чувствуют, что мужчины выдохлись, устали духовно ещё больше, чем физически. Они изранены и обескуражены в этих вечных битвах, революциях, перестройках, которые ведут либо по замкнутому кругу, либо в никуда».

«Где их наберёшься, сильных мужиков? На войне самый цвет повыкосило, перестроечное лихолетье добрало остатки».

Читаю эти инвективы – и поневоле закрадывается вопрос: если цвет мужской части народа обречён на взаимоуничтожение, а спасаются от гибели только слабаки и недоумки, – чего тогда пожелать народу? Процветания? Испытания? Гибельных столкновений, в которых сила проявляется как сила, или мирных передышек, в которых силу забирают трусы, подлецы и изменники, а оставшийся народ погружается в пьянящее потребление и опохмёл счастливой дури?

Нет ответов у Якуниной на провокационные вопросы. И у меня нет.

А может, смысл такого размышления в том и состоит, что – нет ответов? А есть только императив. Не кантовский. Но категорический.

«Мужчины могут устать. Могут недотерпеть. А женщинам, когда речь идет спасению и сотворении, этого просто не дозволено».

«Страшно, когда плачут поседевшие на войне мужчины. Но не страшнее ли сухие глаза женщин, выплакавших свои слёзы на несколько жизней вперёд? Через века и пространства, от тихого Дона до Тихого океана летит над Русью-безотцовщиной горькое женское эхо: нет больше сил так жить!»

«На последнем рубеже, когда рушатся державы, погребая под обломками вековые нравственные устои, когда мужской цвет гибнет в мировом пожаре, а на уцелевших мужчин надеяться не приходится, женщине не дозволено поддаваться отчаянию: за нею – дети».

Только ради детей она и может всё это вынести. Но что получится из детей, рождённых и выращенных в таком состоянии мира? Когда сама земля

... полыню иссохшей шурша у ног,
Шепчет горестно вслед, куда бы ни шёл:
- Без корней и кроны, кто ты, сынок?
Только ствол... Оружейный послушный ствол.

Ствол на то и годен – испепелять и испепеляться.

Но небо! Но вершины за краями дола! Но пасхальный звон, услышанный в детстве! Господь – не поможет ли вынести то, что Он сам же и судил вынести человеку?

Вопрос не менее фатальный, чем судьба народа, обречённого биться на краю.

Дочь коммунистов-атеистов, обратившаяся к Богу в критический момент своей жизни, вовсе не «предает» родителей. Как нет у неё ни следа «женской литературы», так нет ни отблеска патентованной воцерковлённости. А есть – путь к вершинам веры. К вершинам – а не к духовному устройению в обречённой благодати. К вершинам – через пережитые края, а не по шляху общей оглашённости.

«Бог беседует с каждым один на один».

«Каждая душа вызревает в свой срок по неведомому Божьему плану, с каждым из нас Он беседует в наречённое время...»

«Каждый строит себя с азов».

В пересчёте на текущую историю эта духовная установка звучит так:

«Никакая революция не изменит людей, пока они не начнут менять себя сами».

В пересчёте на судьбу отдельного человека, беззащитного перед этой судьбой, возникает непостижимое ощущение:

«Непостижимое для сильных мира сего и оттого вдвойне для них опасное: неустрашимость маленького беззащитного человека, который всем сокровищам мира и любой власти предпочитает право быть самим собой».

В пересчёте на ожидание счастливого финала:

«Поединок с судьбой: она тебя бьёт со всей силы и ждёт, что ты скажешь. Выдержал? А если тебя вот так согнуть? Да ещё придавить сверху?.. Если выдержал – осанка на всю жизнь будет другая... Неизбежность расплаты за озарение способна свести с ума. Но свернуть уже не свернёшь: путь по тверди земной завершился. Дальше – по восходящему канату. Натянutoму между небом и пропастью».

Путь по восходящему канату – поразительный образ, бросающий свет на человека в современной реальности. На поэта. Внизу – бесовская бездна. Вверху – Всевышний. Канат натянут. Восходящий канат. Нарастающий риск. Можно выбирать...

А есть он, выбор?
Работа. Семья. Дети.
Дом...

Вот, наконец, ещё одна, решающая, точка опоры. Россия. Родина. Народ. Тот самый народ, который пластается между убойной мобилизацией и убийственным расслаблением.

Страна «стариков забытых», страна «деревень – пустынь, погостов, водою смытых, сожжённых дотла святынь».

Изменить – невозможно. Возможно – выдержать.
О чём молить всевышнего Судью?
Он не изменит то, что происходит.
Мы, русские, идём в свою судьбу,
Как парусник в огонь небес уходит.

Что остаётся?
Наследство.

Великое и страшное наследство
Предсмертных и бессмертных этих строк
Послевоенным нам, послесоветским
Оставлено на самый крайний срок...
«Вставай, страна...» Неумолимый график
Смертей и смут диктует наш черёд
Из песен отчих, писем, фотографий,
из пепла на крови собрать народ.

Книга Галины Якуниной называется «Держава».
Слово неоднозначное. И в реальности, и в книге, этим словом названной.

Я бы сформулировал так: Держава – это форма жизни, в которой народ, собирая силы со всех краёв пространства, ему суждённого, устремляется к вершинам...

...По восходящему канату.

Лев АННИНСКИЙ

ДЕРЖАВА

Мне говорят, что на краю Россия.
А на краю России на меня
со стен часовни в слабом свете дня
глядят Матрёны,
Ксении,
Марии.

Великие праматери мои,
Босые лады русских богомазов...
На всём пути Державы сколько Спасов
Взошло на вашей
молодой крови!

Наследуя лишь подвиг отречения,
Вы молча, долг над горем вознеся,
Держались – и держали небеса
Свинцовые
над каждым поколеньем.

А новый век держался за подол,
И вслед за мужем шла повестка сыну,
И плакала, припав к плечу осины,
Весна-вдова
над пеплом бывших сёл.

Страна-попынь... Тебя зовут рабою
Лишь те, кто сам утратил честь и статью.
В войне трудней всего не воевать,
А для победы –
отступать без боя.

И все слова, что дух Руси ослаб
И близится закат её печальный,
Страшат, пока не встретятся с молчаньем
До немоты усталых
русских баб.

В таком молчанье кедры вековые,
На самой круче, на семи ветрах
Качают луч рассветный на ветвях
И держат,
держат на краю Россию...

*«Женщина в России всегда была главным
оплотом традиционной нравственности
и духовности...»*

В. Распутин

стёна! Тебе бы не меня, а кого другого... ты же вон какая!» А она, может, мысленно и хотела другую судьбу, но... «другая у других. А эта – моя. И я о ней не пожалею».

Как раз сила и цельность её натуры, неспособность размениваться и мельчить неумолимо приводит к осознанию того, что, дезертировав, Андрей перешагнул порог непересекаемый. Пожалеть его, может, и пожалеют, а простить – не простят: горе народное не дозволит. Не простят Гуськова люди, потерявшие таких же, как он, отцов и братьев, мужей и сыновей. Настёна не философствует, она до всего доходит сердцем – и голос его подводит её саму к роковому шагу. Выдать мужа властям она никогда не выдаст. Но и жить т а к не сможет, потому что цена этой жизни – не страх даже, а вина непомерная. Ведь она вину Андрея берёт на себя, судьбу его делит. А как ей с таким-то грузом дитя рожать-воспитывать? Что ему, ребёнку своему, передать в наследство? Вопрос не праздный.

В героинях Валентина Распутина до предела обострено чувство совестливости, ответственности перед прошлым за будущее. Одним днём они не живут. Могут терпеть боль, унижения и лишения, но приспособить душу свою к беззаконию, преступить вековые нравственные устои – не могут и не хотят. В чём-то характер их сродни характеру Катерины из «Грозы» А. Островского. Теченье реки можно перекрыть на время, но остановиться она не может и вспять не потечёт против природы своей, против закона своего и Божьего.

Любит ли Василиса своего Василия? А если да, то мыслимо ли отселить мужа родного на тридцать лет в амбар из-за того, что покуражился над нею во хмелю? Да, напугал, до выкидыша довел, но ведь таких историй в российских семьях, увы, немерено. Ведь не со зла довел, сдуру... Миллионы баб терпят и прощают, а Василиса чем лучше?

Всё так. Да только вспоминается история другой женщины, жившей в Сибири за полтора столетия до Василисы. Женщины, которая встала на колени перед своим мужем, когда он выступил в защиту рабов, и сухо обронила, когда он загово-